

Двадцать седьмой день двенадцатого лунного месяца выдался на редкость погожим.

Чу Чжаохуай ещё не вполне оправился от простуды, поэтому Чжао Бо разбудил его спозаранку, чтобы напоить лекарством. Усадебный лекарь уже давно дожидался за дверью и теперь, пристроившись на краю ложа, менял повязки на его ногах.

Юноша то и дело клевал носом от невыносимой сонливости.

Накануне дворецкий узнал, что Ванфэй вовсе не тот столичный повеса, о котором твердила молва, и теперь его отношение стало ещё более радушным:

— Ванфэй, если снадобье кажется слишком горьким, я велю поварам к обеду приготовить лечебный отвар на мясном бульоне.

Чжаохуай, не открывая глаз, пробормотал в ответ:

— Лечебные блюда действуют слишком медленно, они годятся лишь для укрепления сил.

Чжао Бо осекся и растерянно переглянулся с врачом.

Медики в княжеской усадьбе умели держать язык за зубами, поэтому тот лишь с улыбкой поддакнул:

— Ванфэй прав. Хорошее лекарство всегда горчит — тем быстрее наступит исцеление. Лучше выпить сейчас.

Рана на голени не задела кость, и за день успела подернуться тонкой корочкой. После того как лекарь наложил свежую мазь и забинтовал ногу, оставалось лишь одно условие: не бегать так, словно за тобой гонятся волки, и тогда через несколько дней от болячки не останется и следа.

Закончив работу, лекарь почтительно удалился.

Чу Чжаохуай окончательно стряхнул с себя остатки сна и медленно выбрался из алькова. Стоило ему сделать шаг, как до его слуха донесся странный звук — звонкое «цок-цок», точно что-то твёрдое ударилось о каменные плиты пола. Звук приближался.

Юноша с недоумением воззрился на порог спальни, в которую внезапно ворвался олень. Животное, точно обезумев, принялось метаться по комнате.

Чу Чжаохуай: «...»

«Откуда здесь взялся олень?»

Зверь, явно напуганный, носился кругами и едва не сбил молодого человека с ног. К счастью, вовремя подоспевший Инь Чжуншань крепко вцепился в верёвку на шее животного, с трудом сдерживая его напор:

— Прошу прощения, Ванфэй. Вы не напуганы?

Чжаохуай вовсе не испугался; напротив, он с любопытством склонился над оленем:

— Откуда он здесь?

— Накануне Ванье добыл его в императорских угодьях, — со скорбным лицом доложил Инь Чжуншань. — Наш господин проявил истинную доблесть, его искусство стрельбы из лука не знает равных.

— О-о-о.

Чжаохуай полагал, что зимой разыскать оленя — задача почти невыполнимая, и Цзи Сюнь вернётся с пустыми руками. Кто бы мог подумать, что тот действительно добудет зверя, да ещё и живого.

Юноша присел на корточки, поглаживая оленя, и вдруг его пальцы наткнулись на небольшую деревянную бирку, привязанную к шее животного.

— Командующий Инь, — с сомнением спросил он, — зачем оленю эта табличка с иероглифами?

Инь Чжуншань: «...»

Сердце командующего пропустило удар. Это же клеймо Придворной службы императорского стола! Всё, теперь его жалованья не видать ближайшие десять лет.

Однако Инь Чжуншань, привыкший ко всяким невзгодам на службе у князя, и глазом не моргнул:

— Позвольте мне взглянуть.

Чжаохуай снял бирку и протянул ему.

— Ах, это, — небрежно бросил командующий. — Отвечаю Ванфэй: это знак, что в усадьбе собираются брать оленью кровь. Одна табличка означает, что кровь уже брали один раз.

Чжаохуай с пониманием кивнул. Надо же, в княжеской усадьбе даже для такого есть свои порядки.

Он впервые видел живого оленя так близко, и его глаза светились неподдельным восторгом, пока он ощупывал маленькие рожки. Вспомнив про оленью кровь, он задумчиво произнес:

— Основа здоровья Ванъе изрядно подорвана, ему и впрямь не мешает немного оленьей крови.

У Инь Чжуншаня дёрнулось веко:

— Основа подорвана?

— Ну да, — после раскрытия своей личности юноша чувствовал себя куда свободнее. Больше не нужно было взвешивать каждое слово и притворяться тем, кем он не является. Почёсывая оленя за ухом, он непринужденно добавил: — Ванъе совсем не любит двигаться, к тому же у него... ну, вы понимаете. Кхм. В общем, оленья кровь будет очень кстати.

Ходили слухи, что многолетнее употребление сильных алхимических снадобий ведёт к мужскому бессилию. Говорили, что лже-даосы подмешивают в свои пилюли возбуждающие средства, чтобы пустить пыль в глаза: мол, после приема можно и семь раз за ночь, но на деле это лишь окончательно опустошает внутренние силы организма. Цзи Сюнь принимал дворцовые лекарства, и вряд ли в них подмешивали подобную гадость, но оленья кровь, питающая сущность ци и укрепляющая почки, точно была ему необходима.

Инь Чжуншань: «?»

«Ему почему-то показалось, что за этим «ну, вы понимаете» скрывалось нечто весьма нелестное»

Выполнив поручение и похваставшись «добычей» господина, командующий с достоинством удалился, уводя оленя за собой.

Чу Чжаохуай выпил горькое лекарство. Служанка подала завтрак, среди которого была чаша с супом из древесных грибов, приправленным, судя по запаху, мёдом из османтуса. Но стоило ему поднести ложку ко рту, как снаружи вновь послышался несносный голос Цзи И.

— Не смейте меня держать! У Шицзы срочное дело к Ванфэй...

— Шицзы!

— Чжао Бо, что с вами такое? Почему вы вечно преграждаете мне путь? Раньше вы так себя не вели!

Чу Чжаохуай обернулся на шум. Цзи И, преодолев сопротивление дворецкого, ворвался в комнату, таща за собой Лян Фана.

Казалось, этот юный наследник меняет наряды по десять раз на день. Сегодня на нём был лазоревый халат с широкими рукавами, которые немного скрывали его вечную суетливость. Плечи укрывала белоснежная соболиная накидка — Шицзы влетел в покои, точно порыв ледяного ветра.

— Я пришёл! — провозгласил Цзи И.

Чжаохуай отхлебнул каши и, подражая манере Цзи Сюня, обронил:

— Хм. О том, что вы пришли, слышали даже на той горе в трёхстах ли к югу от столицы.

Цзи И: «...»

— Ты становишься всё больше похож на моего отца, — проворчал юноша, усаживаясь и увлекая за собой Лян Фана. — Тебе лучше? Видел, как лекарь выходил отсюда.

Чжаохуай не привык, чтобы о нём заботились, поэтому отмахнулся:

— Жить буду. Как самочувствие Лян-шицзы?

Лян Фан в белых одеждах, с полураспущенными волосами, с самого порога не сводил глаз с лица Чу Чжаохуая. Услышав вопрос, он мягко улыбнулся и искренне произнёс:

— Ваше мастерство поистине велико. Прошу простить мою давешнюю грубость, я не хотел вас обидеть.

Больше всего на свете юноша любил, когда в нём видели «мудрого старца». Он даже перестал есть кашу, изо всех сил стараясь сохранить беспристрастное выражение лица, чтобы не расплыться в довольной улыбке:

— Пустяки.

Цзи И тут же встрял в разговор:

— Лян Фан все эти дни только и делает, что хвалит тебя! Говорит, что даже этот знаменитый Бай Цзи из Цзяннани вряд ли сравнится с тобой в искусстве врачевания.

Чжаохуай замер:

— Бай Цзи?

«Неужто моё имя уже докатилось до столицы?»

Лян Фан, решив, что собеседник не слышал этого имени, пояснил:

— Отец рассказывал, что в землях Цзяннани живет лекарь по имени Бай Цзи. Он ведёт затворническую жизнь, но его мастерство называют божественным.

— А-а, — вырвалось у Чжаохуая.

Он ведь не так уж многих вылечил, разве что один раз помог избавиться от редкого яда... Неужели слава о нём распространилась так широко?

Они вместе закончили завтрак, после чего Чжаохуай проверил пульс Лян Фана. Лекарства действовали как надо, нужно было лишь немного подправить дозировку.

Юноша медленно вернулся к своей кровати-алькову и открыл небольшой шкафчик, чтобы достать набор игл. Цзи И, не считая нужным спрашивать разрешения, последовал за ним.

Шкафчик был совсем ветхим — такой и на дороге подбери, никто не позарится. Но Чжаохуай почему-то хранил в нём свои «сокровища» и даже повесил маленький замочек. Стоило ему повернуть ключ, как изнутри с негромким стуком выкатился деревянный конь.

Цзи И ожидал увидеть внутри нечто ценное, но, заглянув в шкафчик, помрачнел. Внутри грудой лежало всякое барахло: старые головоломки, бамбуковые вертолётки, надорванный воздушный змей... Единственным ценным предметом была лишь горсть золотых монет в углу.

— Ты что, хранишь здесь реликвии времен павших династий? — съязвил Шицзы.

Чжаохуай, перебирая иглы, бросил:

— Это реликвии двухлетней давности.

Наследник едва не прыснул со смеху. Он присел рядом, рассматривая безделушки:

— Тебе нравится играть в такое? Как-нибудь подарю тебе что-то получше.

Чжаохуай покачал головой:

— Это подарки моей матушки.

— О-о, — Цзи И смущённо потёр нос и, пытаясь загладить неловкость, добавил: — Так выставил бы их на полки. В алькове полно места, а в этом ящике они все в куче, так и сломать недолго.

Юноша снова покачал головой. Даже в семье Бай в Линьане он никогда не выставлял свои вещи напоказ. Если в один прекрасный день его вышвырнут за дверь, он просто подхватит свой сундучок и уйдёт. Так проще.

Цзи И хотел что-то добавить, но Чжаохуай, наконец отыскав нужный сверток с иглами, вкрадчиво предложил:

— Как закончу с Лян Фаном, может, и Шицзы пару игл поставить?

«Почему он не унаследовал немногословность своего отца?»

Юный наследник поджал губы. Сейчас он зависел от лекаря, поэтому предпочёл промолчать.

Чжаохуай работал быстро. Он велел Лян Фану присесть на край кровати и в мгновение ока утыкал его голову иглами так, что тот стал похож на ежа.

Цзи И наблюдал со стороны, невольно морщась:

— И что, совсем не больно?

Вместо ответа Чжаохуай точным движением вонзил иглу ему в точку между большим и указательным пальцем.

— Ай! — взвыл Шицзы, подскочив на месте. Лицо его побелело от испуга, но, придя в себя, он понял, что боли и впрямь нет.

— Твоё мастерство точно выше, чем у этого Бай Цзи, — признал Цзи И. — Все эти легенды о «божественных лекарях» — сплошь байки для простаков. Наверняка он просто шарлатан.

Чу Чжаохуай: «...»

Он с милой улыбкой вонзил в него ещё одну иглу. На этот раз Шицзы взвыл от настоящей боли.

Для Лян Фана это был первый сеанс иглоукалывания. Иглы казались самыми обычными, но вскоре по его лбу градом покатился пот, а на лице отразилось страдание.

Цзи И перепугался:

— С ним... с ним всё будет хорошо?

Чжаохуай бросил на пациента спокойный взгляд:

— Не умрёт.

Наследник всё равно места себе не находил. Глядя на потемневшие кончики игл, он сглотнул:

— В усадьбе лекари всегда используют золотые иглы. Твои серебряные точно справятся?

Чу Чжаохуай: «...»

— Если мастер искусен, он и серебряными иглами вернёт человека с того света, — Чжаохуай сердито взглянул на него. От этого усилия у него даже зашипало в глазах, и он добавил с ноткой обиды: — К тому же золотые иглы — сплошное позёрство, я их терпеть не могу!

— Понятно.

Пока иглы делали своё дело, Чжаохуай от скуки принялся чистить мушмулу. Но чем больше он жевал, тем сильнее в нём закипало раздражение. Внезапно он вытянул ногу и с силой пнул стул Цзи И. Наследник, как раз вытиравший пот со лба друга, кувыркнулся на пол.

— Ой! Ты чего творишь?!

Чжаохуай сверкнул глазами:

— Нога соскользнула.

Цзи И так и не понял, чем не угодил лекарю, но спорить не стал, лишь проворно поднялся на ноги. Учитывая, что тот лечит друга и... ну, вообще-то он довольно симпатичный, Шицзы решил проявить великодушие.

Вскоре Чжаохуай вынул иглы и выписал новый рецепт, на этот раз предусмотрительно не

поставив подпись «Бай Цзи».

Когда они закончили, солнце уже миновало зенит. Цзи И, напросившись на обед, засобирался уходить, ведя под руку сонного Лян Фана. Перед уходом он замялся и неловко спросил:

— Ты пойдёшь на вечерний банкет в замок?

Чжаохуай кивнул:

— Пойду.

— Кхм, — бросил Шицзы. — В замке многие знают «Чу Чжаоцзяна». Не забудь надеть повязку на глаза.

Не дожидаясь ответа, он быстро скрылся за дверью.

Чу Чжаохуай погрузился в раздумья.

«Я ведь не тот самый Чу Чжаоцзян, о котором гласил указ. В усадьбе князя ещё можно было скрываться, но если обман раскроется при дворе, это сочтут за преступление против императора. Зачем Цзи Сюню понадобилось брать меня с собой?»

Размышления ни к чему не привели, и он сдался. Его голова определенно не была предназначена для подобных сложностей.

Ещё не стемнело, когда за ним пришёл Чжао Бо. Князь уже ждал его у ворот.

— Почему он вечно ждёт снаружи? — проворчал Чжаохуай, надевая повязку и медленно ковыляя к выходу.

Цзи Сюнь сидел в своём великолепном экипаже. Заметив, как осторожно Ванфэй карабкается на подножку, он отложил книгу и протянул ему руку, помогая подняться.

Юноша послушно уселся рядом:

— Благодарю Ванъе.

Цзи Сюнь перелистывал исписанные мелким почерком страницы какого-то доклада, но мимоходом обронил:

— Сними повязку, не душно тебе?

Чжаохуай сдвинул повязку на ухо, открывая лишь половину лица:

— Есть немного... Ванье читает что-то важное?

Глядя на него, Цзи Сюнь вдруг невольно вспомнил брачную ночь, когда он концом окровавленного посоха приподнял фату, открывая это прекрасное, растерянное лицо.

Князь отвёл взгляд и небрежно усмехнулся:

— Государственные тайны.

Чжаохуай тут же отвернулся, не смея посягать на секреты Ванье.

Цзи Сюнь казался довольным. С улыбкой на губах он перевернул страницу. На обложке этой «книги» красовалась надпись: «Записки о Ванфэй. 27-й день двенадцатого лунного месяца».

Внутри были подробнейшим образом описаны все действия Чу Чжаохуая за день: что он говорил, что делал, и даже то, что за обедом он съел лишь полпиалы каши. Князь, ничуть не таясь от юноши, медленно дочитал до конца и спросил:

— Повара сегодня плохо постарались?

— А? Да вроде... нормально всё было.

— Тогда почему ты почти ничего не съел?

Чжаохуай не почувал неладного и со смущённой улыбкой честно признался:

— Я хотел оставить место для дворцового банкета, так что решил только слегка перекусить.

Цзи Сюнь замер. Он захлопнул «Записки о Ванфэй» и отложил их в сторону. Заметив странный взгляд князя, Чжаохуай решил, что над ним смеются, и неловко добавил:

— На банкете я буду есть понемногу, честное слово. Не опозорю Ванье.

Голос Цзи Сюня смягчился:

— Ешь сколько влезет.

Видя, что его не осуждают, Чжаохуай облегченно выдохнул и радостно закивал:

— Угу, хорошо.

Экипаж неспешно катился к императорскому дворцу. На улицах в преддверии Нового года царило невообразимое оживление. Днём было ясно и тихо, но стоило солнцу скрыться, как на город опустился холод, и ледяной ветер предвещал новый снегопад. С начала месяца столицу завалило снегом, а в провинциях и вовсе начались бедствия.

Горожане спешили по домам, когда тишину улицы разорвал истошный вопль:

— На помощь! Помогите!

Лу Уцзи, патрулировавший улицы со своим отрядом, тут же направил коня на шум:

— Кто смеет нарушать порядок?! — громогласно выкрикнул он.

Увидев гвардейцев Авангарда, толпа расступилась. На холодных каменных плитах мостовой, содрогаясь всем телом, лежал человек в одной исподней рубашке. Он отчаянно пытался ползти вперёд. Командующий Лу спрыгнул с коня и нахмурился.

Рука человека была в крови — указательный и средний пальцы были обрублены под самый корень. Не успел Лу Уцзи подойти, как бедняга вскинул голову. Лицо его было залито слезами.

Офицер замер:

— Сяо-хоуе?

Перед ним лежал «молодой маркиз» из усадьбы Чжэньюань — Чу Чжаоцзян. Его лицо было в ссадинах, он дрожал, точно загнанный зверь. В расширенных от ужаса глазах читалось безумие. Лишь спустя мгновение он узнал Лу Уцзи и прошептал:

— Командующий Лу?

Лу Уцзи попытался помочь ему подняться. Все знали о вражде офицера с Цзин-ваном, и Чу Чжаоцзян, вцепившись в его запястье как в последний шанс на спасение, зашёлся в рыданиях:

— Командующий Лу, этот Бог Несчастий хочет меня убить! Спасите меня, командующий!

Лу Уцзи нахмурился:

— Цзи Сюнь?

Вокруг уже собралась толпа любопытных, поползли шепотки:

— Сяо-хоуе? Из дома маркиза? Разве он не стал супругом князя? Отчего он в таком виде?

— Неужто слухи о том, что Цзин-ван — людоед, правда?!

— Как можно было так изувечить человека? Он ведь наследник благородного рода, Цзи Сюнь совсем страх потерял.

Командующий Лу поднял дрожащего Чу Чжаоцзяна на ноги и твёрдо произнёс:

— Дело нешуточное. Не бойтесь, Сяо-хоуе...

Бам! Бам!

Над городом разнёсся гул колоколов с Башни колокола и барабана. Наступили сумерки. Банкет начался.

— Взять Сяо-хоуе. Мы идём во дворец, просить справедливости у Его Величества.

Чу Чжаоухуай поежился и поправил повязку на глазах, держась поближе к Цзи Сюню. Он впервые оказался в императорском дворце, и всё здесь казалось ему чудесным. При виде золотой и серебряной утвари, встречавшейся на каждом шагу, его глаза под повязкой азартно блестели — он невольно оценивал всё вокруг.

«Настоящий императорский дворец. Одной этой золотой плитки под ногами хватит, чтобы купить меня с потрохами. Надо хоть потоптаться по ней подольше»

Цзи Сюнь краем глаза наблюдал, как юноша смешно семенит рядом, и не смог сдержать улыбки. То ли аура Бога Несчастий была слишком тяжёлой, то ли «Чу Чжаоцзяна» никто не любил, но когда они вошли в Зал Тайхэ, никто из гостей не подошёл к ним с приветствием.

Чжаоухуай не смел открыто выказывать своё восхищение роскошью, поэтому лишь тихонько озирался по сторонам, впитывая величие дворца. Цзи Сюнь лениво восседал в своём кресле. Чжаоухуай, заметив рядом стул, решил, что он предназначен для него, и чинно уселся.

Он не заметил, как весь зал замер в ужасе. Гости взирали на него с немим вопросом: неужто этот безумец снова решит кого-то казнить прямо здесь?

Князь и не подумал предостеречь его. Вместо этого он спросил:

— Тебе понравились те колокола?

— Нет, — шепнул в ответ Чжаохуай. — Просто видел их в книгах, решил рассмотреть поближе.

Они негромко переговаривались, когда к ним направился мужчина в золотых одеждах. Гости почтительно кланялись ему, величая Наследным принцем. Чу Чжаохуай вздрогнул и хотел было встать для приветствия, но Цзи Сюнь, словно предвидя это, крепко сжал его запястье, удерживая на месте.

— Ваше Высочество, — с улыбкой произнёс Ванъе.

Наследный принц Цзи Хун был всего на год младше Цзи Сюня. Облачённый в золотое одеяние с драконами, он казался воплощением благородства и достоинства. Каждое его движение было исполнено изящества. Он вежливо кивнул в ответ, соблюдая все правила приличия:

— Надеюсь, императорский дядя пребывает в добром здравии.

Цзи Сюнь, поглаживая посох, принял это приветствие как должное:

— Слышал, сегодняшний банкет устроен трудами Наследного принца. Что ж, прошу Ваше Высочество велеть подать моей Ванфэй побольше горячих закусок. И желательно, чтобы было побольше рыбы.

Чу Чжаохуай: «...»

Он едва не попёрхнулся воздухом. Как можно так запросто отдавать приказы самому Наследному принцу?!

Цзи Хун и бровью не повёл, на его лице не отразилось ни тени обиды. С вежливой улыбкой он ответил:

— Разумеется. А что с лицом Ванфэй?..

— Аллергия на еду, пустяки, — бросил Цзи Сюнь.

Тайцзы кивнул, не развивая тему:

— Я опасался, что после ранения императорский дядя впадёт в уныние, но известие о том, что вы вчера разогнали разбойников в лесу Нанься, несказанно меня обрадовало.

Чжаохуай внимательно слушал, гадая про себя:

«Говорят же, что князь и Наследный принц ненавидят друг друга. Отчего же Ваше Высочество так заботлив?»

Инь Чжуншань, стоявший неподалеку, лишь мысленно усмехнулся. Прямо перед лицом всех сановников Наследный принц решил пустить в ход свои «мягкие кинжалы»? Видимо, его и впрямь прижали к стенке. Семейство Цзи умело ранить словами так изящно, что это, казалось, было у них в крови.

У всех, кроме Цзи И.

Улыбка Цзи Сюня стала ещё шире:

— Неужели Ваше Высочество и впрямь так думает? Вчера в логове бандитов я нашёл письма с печатью Восточного дворца. Я уж было подумал, что эти разбойники — ваши люди, но, видимо, я просто ошибся.

На лице Наследного принца отразилось искреннее недоумение:

— О чём говорит императорский дядя? Я вас не понимаю.

Ванье небрежно постучал пальцем по навершию посоха. Инь Чжуншань тут же шагнул вперёд:

— Ванье, на вчерашних письмах не было печати Восточного дворца.

— Хм, — отозвался Цзи Сюнь. — Значит, я запомнил. Не берите в голову, Ваше Высочество.

Тайцзы выдавил улыбку, обменялся ещё парой фраз и удалился. Провожая его взглядом, князь вдруг весело посмотрел куда-то вдаль.

Чу Чжаохуай, всё ещё не оправившийся от страха, проследил за его взором. Вдалеке он увидел Чу Цзина в парадном чиновничьем облачении. Тот смотрел на них с такой лютой ненавистью, что это было заметно даже на расстоянии. Казалось, он готов прямо сейчас броситься на них и разорвать в клочья.

Чжаохуай сердито уставился на него в ответ.

«Сам ведь хотел меня известить, а теперь ещё и злится! Ну и наглец!»

Ванье со смехом заставил его сесть обратно. Судя по всему, маркиз остался не в восторге от «подарка», который прислал ему князь.

Чу Чжаохуай сидел мрачнее тучи. Он думал о том, насколько бесчестным человеком оказался Чу Цзин — неудивительно, что он вырастил такого сына, как Чу Чжаоцзян.

Пока он предавался гневным размышлениям, в зал потянулись служанки, расставляя на столах изысканные яства и вина. Гнев юноши как рукой сняло. Он впился глазами в блюда, которых никогда прежде не видел.

Дворцовый банкет и впрямь был великолепен: жареный гусь, утка по-императорскому, нежнейшая рыба... Даже простые рисовые шарики выглядели так, что слюнки текли. Чжаохуай не знал, когда можно начинать, поэтому смиренно ждал.

Они сидели совсем рядом, и Цзи Сюнь слышал, как Ванфэй сглатывает слюну. Впервые в жизни князь почувствовал нечто похожее на жалость. Он взял палочки и положил Чжаохуаю кусочек рыбного печенья.

Тот растерялся:

— Уже можно есть?

Цзи Сюнь кивнул. Лишь тогда юноша осторожно приподнял повязку и принялся за еду маленькими кусочками.

Наследный принц Цзи Хун издали наблюдал за этой картиной. Он лишь криво усмехнулся про себя. Все знали Цзи Сюня как «бешеного пса», а тут он вдруг решил примерить на себя маску заботливого мужа перед этим фальшивым Ванфэй.

В этот момент евнух Сюй провозгласил:

— Его Величество император!

Зал мгновенно затих. Все присутствующие встали и склонились в глубоком поклоне, желая государю долгих лет жизни. Чжаохуай, спохватившись, быстро спрятал недоеденный кусочек в рукав и последовал общему примеру.

Во всём зале лишь Цзи Сюнь остался сидеть в своём кресле. Евнух Сюй помог императору Яньпину подняться на трон. Государю уже минуло пятьдесят, и недавняя болезнь оставила на его лице печать изнурения, которую не мог скрыть даже ярко-желтый шёлк одеяний.

Император медленно опустился на трон, позволив сановникам подняться. Первым делом он обратился к князю с дружеской усмешкой:

— Минчэнь, и ты здесь? Ты ведь обычно не жалуешь такие сборища.

Цзи Сюнь склонил голову в знак почтения:

— Слышал, Придворная кухня изобрела новые блюда, вот и решил заглянуть. Неужто Ваше Величество, владея целым миром, пожалеет для брата пару кусков?

Государь рассмеялся, и тень болезни на миг сошла с его лица:

— Твой язык, как всегда, не знает преград.

Банкет шёл своим чередом: вино, яства, музыка и танцы. Все присутствующие были привычны к такому, и стоило императору закончить приветствие, как гости принялись осторожно трапезничать. Чжаохуай тоже хотел было взяться за палочки, но Его Величество завёл с Ванъе неспешную беседу. Бедный юноша вздрагивал от каждого слова императора и за всё время смог съесть лишь то несчастное печенье.

Заметив его скованность, Цзи Сюнь принялся сам подкладывать ему еду, не прерывая разговора с братом. Лишь тогда Его Величество обратил внимание на Ванфэй в повязке. В его затуманенных глазах промелькнул интерес:

— Чжаоцзян, отчего же ты сегодня так молчалив?

Чжаохуай едва не подавился воздухом и поспешно отложил палочки:

— Я...

— Прошу прощения у императорского брата, — мягко перебил князь. — Вчера он простудился, голос совсем пропал, да и на лице выступила сыпь.

Государь окинул юношу долгим взглядом и, наконец, вернулся к беседе с Ванъе. Чжаохуай облегченно выдохнул и принялся уплетать за обе щеки, пользуясь тем, что на него больше не смотрят. Цзи Сюнь сегодня был сама галантность: стоило Ванфэй распробовать какое-то блюдо, как князь тут же подкладывал ему ещё. Вскоре тот понял, что в него больше не лезет.

— Наелся? — с улыбкой спросил Цзи Сюнь.

— Угу.

На самом деле он наелся лишь наполовину, но после болезни боялся переедать — боялся, что его начнет тошнить. Хватило и того, что он попробовал всего понемногу.

— Вот и славно, — кивнул князь.

Чжаохуай как раз дожевывал чайное печенье, когда заметил, как в зал поспешно вошёл человек при оружии. Судя по выправке — какой-то офицер стражи. Вид у него был крайне встревоженный, точно случилось нечто из ряда вон выходящее.

Ванфэй с любопытством наблюдал за ним, не переставая жевать. Командующий Лу быстро подошёл к трону, пал ниц и что-то зашептал евнуху Сюю. Тот изменился в лице и, семеня мелкими шажками, бросился к государю.

Император нахмурился, его взгляд метнулся к Цзи Сюню, который непринужденно прихлебывал вино. Евнух Сюй взволнованно шептал Его Величеству:

— Всё так и есть, многие горожане видели это на главной улице...

Государь перевёл взгляд с Ванье на Чу Цзина. В его глазах вспыхнул холодный огонь. Он внезапно швырнул кубок на стол:

— Чушь! Сяо-хоуе здесь, в зале, как он может быть на улице?!

Лу Уцзи понял, что государь готов к решительным действиям, и громко произнёс:

— Каждое моё слово — истина! Этот человек лицом точь-в-точь как наследник маркиза, Чу Чжаоцзян!

Чу Цзин побледнел как полотно и вскочил с места. Наследный принц тоже нахмурился.

— Ведите его сюда, — приказал император. — Я желаю видеть наглеца, посмевшегося назваться сыном маркиза.

Чу Чжаохуай замер. Вскоре гвардейцы ввели в зал юношу. Тот едва держался на ногах и, не дойдя до трона, рухнул на колени. Ванфэй невольно сжал в руке печенье.

Это был Чу Чжаоцзян.

В памяти Чжаохуая его младший брат всегда был тем, кто с малых лет умел изощренно издеваться. Благодаря ему те два года после смерти матушки превратились в сущий ад. То его кормили объедками, то давали сырой уголь для очага, то намеренно пугали, забавляясь тем,

как он задыхается во время сердечных приступов. А самым страшным воспоминанием был случай на охоте, когда Чу Чжаоцзян обманом едва не скормил его волкам.

Чжаохуай никогда ещё не видел брата в таком жалком состоянии. Волосы всклокочены, лицо искажено ужасом, а на правой руке, которой он упирался в пол, не хватало двух пальцев — с обрубков всё ещё капала кровь.

Император Яньпин сурово произнёс:

— Подними голову.

Чу Чжаоцзян зарыдал в голос:

— Ваше Величество, молю о справедливости...

При виде пропавшего сына Чу Цзин едва сдержался, чтобы не броситься к нему. Но стоило тому заговорить, как у маркиза похолодело внутри. Дело о подмене нельзя было раскрывать при всех, по крайней мере — не перед лицом императора.

Но прежде чем отец успел его остановить, обезумевший от боли Чу Чжаоцзян закричал:

— Ваше Величество! Цзи Сюнь держал меня в заточении десять дней! Он остриг мои волосы и отрубил мне пальцы! Если бы я не сбежал сегодня, меня бы уже не было в живых!

Сестра Чу Цзина была благородной наложницей, так что по крови Чу Чжаоцзян приходился императору племянником. Разумеется, Его Величество знал его в лицо. Государь холодно произнёс:

— Это и впрямь Чжаоцзян. Так кто же тогда занимает место Ванфэй?

У Чжаохуая зашло сердце, он невольно посмотрел на Цзи Сюня. Тот сидел с самым безразличным видом, точно происходящее его не касалось. Даже обвинение в увечьях он пропустил мимо ушей. Юноша вдруг осознал нечто важное и расширенными глазами уставился на князя. Но Ванъе не смотрел на него.

Евнух Сюй велел стражникам поднять Чжаохуая со стула и заставить его встать на колени. С его лица сорвали повязку, открывая прекрасные, незнакомые черты. Ванфэй замер. Взгляды сотен людей впелись в него, точно лезвия. Рана на голени заняла от неудобной позы, возвращая его к реальности.

Император спросил:

— Кто ты?

Чжаохуай стоял на коленях посреди огромного зала, его волосы рассыпались по плечам. В своём белоснежном плаще он казался охапкой чистого снега, брошенной в костер. Когда безумный стук сердца утих, страх медленно растаял, превратившись в холодную дымку. Ему вдруг показалось, что всё вокруг больше не имеет значения.

Коснувшись ладонями пола, он склонил голову и ответил:

— Имя этого ничтожного — Чу Чжаохуай.

Государь удивился:

— Чу Чжаохуай?

— Да, — голос юноши был ровным и безжизненным. — Я старший сын маркиза Чжэньюань. В детстве меня отправили в Цзяннань лечить недуг, и я вернулся лишь недавно.

Цзи И, сидевший поодаль, совершенно лишился дара речи.

«Чу Чжаохуай? Брат этого мерзавца Чжаоцзяна? Как у такого ничтожества мог родиться такой необыкновенно красивый брат?!»

Чу Цзин закрыл глаза, понимая, что пути назад нет. Если перед Ванье он ещё мог выкрутиться, заявив, что указ гласил отдать в жёны Сяо-хоуе, не называя имени, то перед императором это не работает. Одно неверное слово — и его обвинят в обмане государя. Маркиз вышел вперёд и пал ниц рядом с сыном:

— Молю о пощаде. Я поддался на уговоры старшего сына — он твердил, что влюблён в Цзин-вана. По своей глупости я позволил ему занять место брата. Прошу Ваше Величество наказать меня.

Государь едва не рассмеялся от ярости:

— Так вот как ты относишься к моим указам? Как к досадной помехе?

Чу Цзин прижался лбом к полу:

— Я виновен. Казните меня.

Даже Чжаохуай, ничего не смысливший в придворных интригах, понимал: всё это — дело рук

Цзи Сюня. Что уж говорить о сановниках, которые насквозь видели эту игру. Император посмотрел на брата, желая знать его мнение:

— Минчэнь, что ты скажешь?

Князь востепенел, точно только что очнулся:

— О чём говорит императорский брат?

Император Яньпин: «...»

Государь сжал подлокотники трона, его взгляд стал ледяным. Цзи Сюнь не собирался мириться, он требовал расправы над домом маркиза. Понимая, что Ванье не отступит, император произнёс:

— Маркиз Чжэньюань проявил неуважение к императорской воле. Повелеваю: лишить его титула и запереть в усадьбе на три месяца для раздумий.

Чу Цзин побледнел. Чу Чжаоцзян окончательно впал в оцепенение. Лишь сейчас до его затуманенного болью рассудка дошло: не стоило кричать о подмене при всех. Но было поздно. Даже если бы Ванье отрубил ему всю руку, Его Величество не стал бы его защищать.

Государь проигнорировал племянника и перевёл холодный взгляд на Чу Чжаохуая, стоявшего на коленях:

— Что же до тебя... За то, что из корысти ты выдал себя за брата и обманом вошёл в княжескую усадьбу, твои помыслы...

Договорить он не успел.

— Брат мой шутит, — внезапно перебил Цзи Сюнь.

Зал замер, боясь даже вздохнуть. Все взоры обратились к нему. Князь пригубил вино и с улыбкой произнёс:

— В указе было сказано, что я должен взять в жёны Сяо-хоуе из дома маркиза. Чжаохуай — старший сын, так что он по праву является моим Ванфэй.

Император замолк. Даже Тайцзы не мог разгадать игру дяди. Зачем было устраивать этот спектакль с разоблачением, если теперь он идёт на попятную?

— В нашем государстве законы старшинства незыблемы, — лениво продолжал Ванъе. — Если бы Чжаохуай не вошёл в мой дом, неужели маркиз и впрямь хотел подsunуть мне сына наложницы под видом наследника?

Чу Цзин в изумлении воззрился на него. Почему он заговорил об этом только сейчас, когда его уже лишили титула? Неужто Ванъе и впрямь лишился рассудка? Или... или он действительно хочет оставить этого юношу при себе?

Государь посмотрел на неподвижную фигуру Чу Чжаохуая. Если бы он не знал, что Минчэнь не различает лиц, он бы решил, что тот просто пленился красотой юноши.

— Что ж, — медленно произнёс государь. — Коль скоро и сам Чжаохуай питал к тебе чувства, пусть это будет счастливым союзом, рожденным из ошибки.

— Благодарю, — отозвался Цзи Сюнь.

Государь взглянул на Чу Цзина:

— Тогда бывший маркиз...

— Что говорит императорский брат? — с деланным недоумением переспросил князь.

Император Яньпин усмехнулся. Цзи Сюнь хотел и Ванфэй оставить, и Чу Цзина раздавить. Какая жадность. А жадные люди всегда таят в себе великие амбиции. На подмену можно было закрыть глаза, но раз уж дело предали огласке, нельзя было оставлять виновного без наказания, иначе пошатнется величие императорского рода. Его Величество и сам давно хотел лишить Чу Цзина влияния — даже если их дома враждовали, после свадьбы они могли заключить тайный союз. К тому же счета в Цзиньлине ещё не проверены, и пожертвовать пешкой вроде маркиза было не жалко.

— Ничего. Я утомился. Наследный принц, помоги мне.

Гости склонились в прощальном поклоне. Цзи Сюнь проводил императора взглядом и лишь спустя долгое время посмотрел на юношу, всё ещё стоявшего посреди зала. Чу Чжаохуай не шевелился. Он смотрел на свою повязку, лежавшую на полу, и в его взгляде читалась растерянность.

Всё это время он с восторгом смотрел на роскошь и могущество императорской семьи. Но сейчас эта власть обрушилась на него, точно гора, и одним легким движением превратила некогда грозную усадьбу маркиза в руины.

Он остался жив. Но какой ценой? Этот каток власти раздавил все его детские надежды.

«Разве мог великий Ванъе так искренне заботиться обо мне, простом самозванце? Я был всего лишь фигурой на доске. И эта его внезапная нежность была лишь началом моего падения в бездну. Власть императора могла раздавить меня в любой миг, и лишь одно слово Цзи Сюня удержало эту смертоносную машину. Точно милостыня. В будущем, если князь будет не в духе, он просто отойдёт в сторону, и эта махина сотрет меня в порошок»

Послышался скрип колёс. Перед взором Чжаохуая появились сапоги, расшитые золотой нитью, и полы чёрного одеяния с причудливыми узорами. Голос Цзи Сюня прозвучал над головой, и в нём слышались непривычные, резкие нотки:

— Поднимайся. Едем домой.

Чжаохуай поднял голову. Слезы, скопившиеся в глазах, невольно скатились по щекам, разбиваясь о пол мелкими каплями. Родинка на щеке, увлажнённая слезами, казалась ещё темнее.

Цзи Сюнь замер. В глазах юноши не было страха. Не было ненависти.

Только невыразимая печаль.

— Слушаюсь, — послушно отозвался Ванфэй. Он упёрся руками в пол, пытаясь встать. Но ноги онемели от долгого стояния на коленях, и, едва приподнявшись, он снова рухнул.

Князь инстинктивно потянулся, чтобы поддержать его.

Чжаохуай почти бессознательно оттолкнул его руку:

— Не трогайте меня...

Рука Ванъе застыла в воздухе.

— Не трогайте меня, — шёпотом повторил юноша.

В первый раз в его голосе звучал протест. Во второй — мольба.

В этот момент подбежал Цзи И. Он засуетился, не зная, за что ухватиться:

— Ну чего ты сидишь? Давай, я помогу. Ты как, цел?

На этот раз Чжаохуай не стал сопротивляться. Он позволил Шицзы поднять себя, точно тряпичную куклу. Цзи Сюнь хотел было что-то сказать, но в этот момент подошёл Лу Уцзи.

— Отец, вы закончите здесь сами, — бросил Шицзы. — А я отвезу его домой.

Ванье отвёл взгляд:

— Ступай.

Цзи И, привыкший помогать раненым друзьям, быстро увёл его. Князь смотрел им вслед, его пальцы впились в навершие посоха с такой силой, что, казалось, он готов сломать золотую птицу.

Лу Уцзи, не упустивший случая подразнить Ванье, уже приготовил едкую колкость. Но, взглянув на того, он осекся. Цзи Сюнь, который обычно в ответ на любую шутку осыпал его проклятиями, теперь лишь хмуро смотрел на двери зала.

— На что ты там уставился? — нахмурился офицер. — Всё же кончено, пошли.

Князь даже не удостоил его ответом. Инь Чжуншань, не говоря ни слова, развернул кресло и покатил его прочь.

Лу Уцзи лишь недоуменно покачал головой. «Что с ним сегодня? Неужто ядовитый язык дома оставил?»

Командующий вывез господина из дворца. Чжоу Хуань, дремавший на козлах, тут же вскочил и опустил мостик для кресла. Цзи Сюнь заглянул в карету.

Внутри было пусто.

Инь Чжуншань взглянул на Ванье и негромко спросил:

— Чжоу Хуань, Ванфэй уже уехал с Шицзы?

— Ага! — весело отозвался тот. — Мне тут у ворот уже всё разболтали! Говорят, Ванье в зале всех в пух и прах разнёс! И маркиза титула лишил, и супруга защитил, открыв всем правду. Какая преданность! Юноша теперь точно будет любить нашего господина до гробовой доски! Ха-ха-ха!

Цзи Сюнь: «...»

Инь Чжуншань: «...»